

№ 20

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАНЪ Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода. 3 » 50 »

На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Іоаннъ-Вольфгангъ Гёте. Е. Добрыниной. — II. Весеннія пѣсни. (Стих.). С. Дрожжина. — III. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С—ва. — IV Маленькій рудокопъ. Нирица.

ІОАННЪ-ВОЛЬФГАНГЪ
ГЕТЕ.

ІХ.

И т а л і я.

НАКОНЕЦЪ исполнилось давнишнее желаніе Гете— онъ въ Италіи, путешествуетъ подъ именемъ купца Миллера. Онъ проѣзжалъ рощи апельсиновыхъ деревьевъ, виноградники, города, осматривалъ статуи, картины, зданія, и чувствовалъ себя въ этомъ новомъ мірѣ какъ бы на

родинѣ. Въ послѣднее время все, что напоминало Италію, сильно волновало его. Тоска по Италіи доходила до болѣзненности и только итальянское небо могло излечить его. Передъ отѣздомъ своимъ онъ написалъ пѣснь Миньоны „Ты знаешь-ли тотъ край“ (Kenst du das Land), эта пѣснь показываетъ до какого экстаза доходило его представленіе объ этой странѣ.

Душевное безпокойство Гете улеглось въ Италіи, кругомъ него слышится итальянская рѣчь, надъ нимъ темно-голубое итальянское небо, передъ нимъ итальянское искусство.

Передъ нимъ жизнь свѣтлая, спокойная, сильная. Передъ нимъ великія цѣли—онъ чувствуетъ въ себѣ силы ихъ достигнуть.

Гете оставилъ описаніе этого путешествія. Въ Римѣ онъ пробылъ четыре мѣсяца. „Передо мной какъ будто ожили мечты моей юности, писалъ онъ, куда ни оглянусь, все старые знакомые, все именно такъ, какъ я воображалъ себѣ, и между тѣмъ, все для меня ново“.

Изъ Рима Гете отправился въ Неаполь, тамъ сбросилъ съ себя инкогнито, познакомился съ обществомъ, очень любилъ быть среди простаго народа, и восхищался его беззаботнымъ *far niente*.

„Въ Римѣ, говорилъ онъ, чувствуешь влеченіе къ занятіямъ, въ Неаполѣ можно только „жить“. И онъ жилъ тутъ богатой, многосторонней жизнью, на берегу моря, между рыбаками, между народомъ, въ аристократическомъ кругу, на Везувіѣ, на морѣ при лунномъ свѣтѣ, въ Помпеѣ, Геркуланумѣ; жилъ вездѣ, гдѣ находилъ источникъ новыхъ наслажденій, новую пищу для фантазіи и для знанія жизни.

Помпея, Геркуланумъ, Капуя интересовали его менѣе, чѣмъ можно было ожидать. „Природа, говорилъ онъ, единственная книга, въ которой каждая страница имѣетъ великое содержаніе.“ Эта книга очаровывала его, какъ дѣтей очаровываютъ волшебныя сказки. Одинъ—подъ музыкальный шумъ волнъ, онъ углублялся въ свои мысли и тайна расти-

тельныхъ формъ, такъ долго занимавшая его, стала ему уясняться.

Въ апрѣлѣ Гете пріѣхалъ въ Палермо. Когда онъ возвращался въ Неаполь, судно, на которомъ онъ плылъ, едва не потонуло въ волнахъ океана.

Пребываніе въ Италіи, особенно въ Римѣ, имѣло на него многостороннее вліяніе: — оно оторвало отъ рутины, освѣтило и расширило его взглядъ, и уяснило ему его положеніе, онъ созналъ себя поэтомъ и рѣшился посвятить себя литературѣ.

Изъ Италіи Гете писалъ дружескія письма къ Гердеру, принималъ сердечное участіе въ его трудахъ, и съ восторгомъ читалъ въ Римѣ его „Ideen“.

Онъ оставилъ Римъ съ большимъ сожалѣніемъ, 18 іюня, вечеромъ прибылъ въ Веймаръ, обогащенный знаніями, которыя открывали передъ нимъ новые горизонты и сталъ стремиться достигать этихъ горизонтовъ, хотя сознавалъ, что всей жизни не станетъ, чтобы удовлетворить жажду знанія.

Въ Веймарѣ Гете ожидалъ богатый подарокъ: герцогъ велѣлъ выстроить своему любимцу новый домъ. Внутренность дома оставлена была неубранной, чтобы онъ могъ убрать по своему вкусу. Въ этомъ домѣ Гете разставилъ свои коллекціи рѣдкостей и картины. Домъ этотъ и до сихъ поръ сохраняется въ томъ видѣ, какъ онъ его устроилъ. Этотъ великій поэтъ и министръ велъ самый простой образъ жизни: вставалъ онъ очень рано, до 11 часовъ работалъ, потомъ пилъ чашку шоколаду и снова работалъ. Послѣ обѣда, на которомъ у него всегда были гости, онъ любилъ поболтать часокъ. Гулялъ онъ очень много по парку и, возвратившись, опять работалъ. Вечеромъ шелъ въ театръ, а въ 10 часовъ ложился спать.

Въ этотъ періодъ времени Гете женился на простой, бѣдной, миловидной дѣвушкѣ — и имѣлъ отъ нее сына, котораго очень любилъ и основалъ на немъ всѣ свои на-

дежды. Семейная жизнь его была неудачна, онъ съ женой разошелся, сына оставилъ при себѣ.

Въ Веймарѣ — окончивши „Ифигенію въ Тавридѣ“ и „Тасса“, онъ принялся за „Эгмонта“.

По возвращеніи изъ втораго путешествія по Италиі, Гете вмѣстѣ съ герцогомъ отправился въ Силезію—на конгрессъ, и видѣлъ бѣдствія войны во всѣхъ классахъ общества. Возвратившись въ Веймаръ, онъ окончилъ свою поэму „Рейнеке-Лисъ“ и первый томъ „Вильгельма Мейстера“. 1794 годъ былъ началомъ дружескихъ отношеній Гете къ Шиллеру, которымъ онъ обязанъ былъ лучшими минутами своей жизни. Въ началѣ Шиллеръ думалъ, что они никогда не сблизятся—„многое, писалъ онъ, что для меня ново, то отжило для Гете“. Когда Шиллеръ жилъ въ Іенѣ, Гете не посѣщалъ его. Наконецъ они встрѣтились въ обществѣ естествоиспытателей. Случайно они вышли оттуда въ одно время и между ними завязался разговоръ—разговаривая, они дошли до жилища Гете и онъ пригласилъ Шиллера зайти къ себѣ. Такимъ образомъ завязалось у нихъ сближеніе, которое продолжалось непрерывно и принесло много пользы какъ имъ, такъ и другимъ.

Журналъ, задуманный Шиллеромъ „Die Horen“, былъ первымъ узломъ ихъ дружбы и общей дѣятельности. Кромѣ журнала „Horen“ Гете участвовалъ въ „Альманахѣ Музъ“, писалъ „Фауста“ и продолжалъ „Вильгельма Мейстера“. „Фаустъ“ всего болѣе занималъ онъ въ послѣдніе годы его жизни.

Вскорѣ Шиллеръ переѣхалъ въ Веймаръ и друзья вмѣстѣ работали усердно для умственного развитія своей націи.

Въ Веймарѣ начали строить королевскій театръ; Гете назначенъ былъ директоромъ. Онъ самъ слѣдилъ за постройкой, за приготовленіями декорацій и костюмовъ, и въ новомъ театрѣ на первый разъ поставилъ драму своего друга, Шиллера, „Валленштейнъ“.

Дружба между обоими поэтами не охлаждалась до самой смерти одного изъ нихъ. Въ первыхъ числахъ января 1805 г. Гете, съ ужасомъ, замѣтилъ страшную перемену въ Шиллерѣ и имъ овладѣло предчувствіе, что въ этотъ годъ кто-нибудь изъ нихъ умретъ. Вскорѣ оба сильно заболѣли; но Шиллеръ выздоровѣлъ, первый навѣстилъ Гете и они весело разговаривали о томъ, какъ проведутъ весну и опять принялись за свои работы, но не надолго! 30-го апрѣля они встрѣтились по дорогѣ въ театръ. Шиллеръ почувствовалъ себя такъ не хорошо, что принужденъ былъ вернуться домой. Гете проводилъ его до его квартиры и попрощался. Они видѣлись въ послѣдній разъ. 9-го мая Веймаръ былъ въ траурѣ: Шиллеръ умеръ. Ни у кого не хватало духа извѣстить объ этомъ Гете, который по болѣзни не выходилъ изъ дома. Разъ вечеромъ, стоя у окна, онъ замѣтилъ толпы народа на улицѣ, страшное предчувствіе охватило его.

— Шиллеръ болѣнъ, обратился онъ къ своему старому слугѣ.

Вмѣсто отвѣта слуга зарыдалъ.

— Умеръ! сказалъ Гете и, закрывъ лицо руками, вышелъ изъ комнаты.

Онъ хотѣлъ продолжать работы Шиллера такъ какъ тотъ ихъ задумалъ, чтобы такимъ образомъ духъ Шиллера продолжалъ бы жить и трудиться вмѣстѣ съ нимъ, но не могъ.

„Бѣлыя страницы моего дневника за это время свидѣтельствуютъ о пробѣлѣ въ моемъ существованіи. Въ это время меня ничто не интересовало“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ.

Затѣмъ Гете постигаетъ множество бѣдъ и утратъ. Жена его умираетъ вскорѣ послѣ Шиллера; вслѣдъ за ней умираетъ герцогиня Амалия, поэтъ Виландъ и мать Гете. Неудачная война Карла Августа съ Наполеономъ сильно огорчаетъ поэта. Грустное его состояніе продолжается до женитьбы его сына на одной молодой дѣвушкѣ изъ Веймара, Оттиліи фонъ Посвичъ, которая внесла въ домъ новую, молодую жизнь. Утраты не ослабили въ поэтѣ любовь къ ра-

ботъ; на закатъ своихъ лѣтъ онъ издавалъ журналъ „Искусство и древность“ и работалъ надъ нимъ усидчиво и долго.

Въ 1825 г. исполнилось 50 лѣтъ, какъ Гете жилъ въ Веймарѣ. Герцогъ велѣлъ отпраздновать юбилей. Депутація одна за другой отправлялись въ этотъ день въ домъ великаго поэта; герцогъ прислалъ ему выбитую для этого дня медаль; письма поздравительныя летѣли со всѣхъ концовъ Европы; городъ былъ иллюминированъ и музыка гремѣла у оконъ его дома. Герцогъ пожелалъ имѣть портретъ его и прислалъ художника. Работа началась, но, къ несчастью, герцогъ не успѣлъ этого портрета видѣть: ударъ свелъ его въ могилу. Это поразило Гете. Не успѣлъ онъ успокоиться, какъ новое горе постигло его: единственный сынъ его умеръ отъ чахотки въ Италіи. Невѣстка еще съ большею любовью начала за нимъ ухаживать: читала ему изъ древней и новой литературы, посылала играть въ его кабинетъ дѣтей и всѣми силами старалась отвлечь его отъ горя. Гете самъ не переставалъ работать: то занимался журналомъ, то велъ дѣловую переписку или приводилъ въ порядокъ свои бумаги. Но силы его видимо упали, онъ старѣлся, скоро уставалъ, боялся простуды.

16 марта 1832 г. внукъ Гете по обыкновенію вошелъ въ его комнату, чтобы позвать дѣда завтракать, и къ удивленію засталъ его еще въ постели; наканунѣ Гете простудился, призванный докторъ нашелъ его очень плохимъ. Къ вечеру ему стало легче, а на другой день онъ былъ веселъ и разговорчивъ. Казалось опасность миновала, и семья отдалась надеждамъ. Ночью онъ вдругъ проснулся отъ сильной боли въ груди; всегда блестящіе глаза его были затуманены, цвѣтъ лица желтый. Его перенесли въ кресло. Дрожащей рукою онъ подписалъ бумагу о выдачѣ пособія одвой молодой артисткѣ. Это были послѣднія слова, которыя онъ написалъ. На слѣдующій день близость смерти была несомнѣнна: силы его ослабѣли, онъ старался говорить, чи-

татъ и не могъ. Вечеромъ онъ велѣлъ всѣмъ членамъ семьи идти спать, оставивъ около себя только своего стараго слугу.

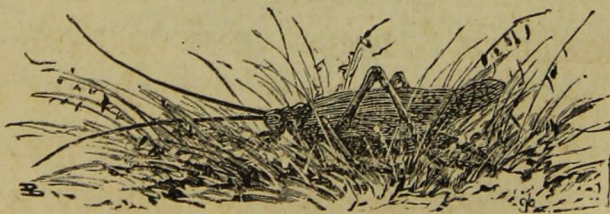
По утру на другой день—это было 22 марта—онъ попробовалъ пройтись по комнатѣ, но не могъ и опустился въ кресло. Оттилія сидѣла подлѣ него и держала его руку въ своей рукѣ. Онъ весело говорилъ о веснѣ, которую они проведутъ въ деревнѣ. Вскорѣ замѣтили, что мысли его начинаютъ путаться. Увидавъ на полу лоскутокъ бумаги, онъ сказалъ: „какъ можно такъ небрежно обращаться съ письмами Шиллера“. И просилъ показать какіе-то чудные рисунки, которые видѣлъ во снѣ. Смерть наступала. Слова его становились невняты. „Свѣту! побольше свѣту!“ были послѣднія слова. Потомъ онъ началъ пальцами писать въ воздухъ буквы, когда рука его опустилась, онъ началъ водить ею по одѣялу. Но никто не могъ понять, что онъ хотѣлъ.

Около полудня Гете пріютился въ уголь кресла и остался недвижимъ. Всѣ окружавшіе его едва переводили духъ, чтобы не разбудить его. Но это былъ сонъ, отъ котораго не пробуждаются. Такъ угасла великая жизнь! Былъ полдень, весеннее солнце ярко свѣтило, но солнце Веймара закатилось навсегда сказать.

Крикъ горести разнесся по Европѣ, и за океаномъ: Гете умеръ!

Е. Добрынина.

(Передѣлано съ нѣмецкаго).

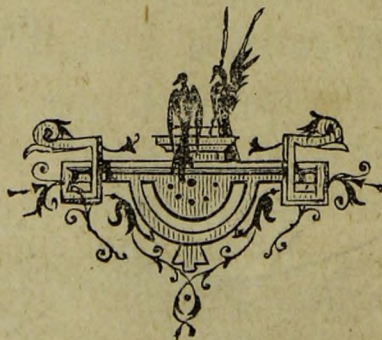
ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

ВЪ ВОЗДУХѢ птичка поетъ,
Громко поетъ, заливается;
Солнышко землю печетъ,
Жарко печетъ, разгорается,

Силой могущихъ лучей
Все подъ собой оживляетъ
И на раздолье полей
Пестрый коверъ разстилагетъ.

С. Дрожжинъ.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИ- ХОМЪ ОКЕАНѢ.

IX.

Приготовленія къ путешествію.—
Размышленія.—Таинственныя яв-
ленія.—Разныя событія.

АКЪ только первые лучи солнца
позолотили воды Тихаго океана,
Джекъ разбудилъ Петеркина. Мы
въ это утро не купаясь въ нашемъ
подводномъ саду. Они позавтракавъ, черезъ
часъ были готовы къ путешествію.

Въ дополненіе къ своему костюму Джекъ
надѣлъ поясъ изъ кокосовой ткани, за которой заткнулъ то-
поръ. Я надѣлъ такой же поясъ и заткнулъ за него коро-
венькую дубинку. Петеркинъ несъ большую суковатую

дубину. Дубина была такъ тяжела, что онъ держалъ ее обѣими руками. Мы двинулись въ путь.

Сѣстныхъ припасовъ мы съ собой не взяли, но я позаботился положить въ карманъ зажигательное стекло.

Утро было такъ тихо и спокойно, что даже звуки, которые мы слышали, не только не нарушали спокойствія земли, моря и неба, по казалось еще увеличивали его. Эти звуки были похожи на жалобные голоса морскихъ птицъ, рѣющихъ надъ стекловидной водой или плывущихъ подъ небомъ, на тихое чириканье маленькихъ птичекъ въ кустахъ, слабое журчанье на берегу и торжественный плескъ волны объ отдаленный коралловый рифъ. Мы сами чувствовали какую-то тихую, свѣтлую радость, навѣянную мирнымъ спокойствіемъ окружающей насъ природы, радость, которая вызвала тихую, свѣтлую улыбку даже на уста нашего вѣчно рѣзваго, шаловливаго Петеркина.

Мы шли всѣ трое врьдъ, Джекъ, какъ выше всѣхъ, шелъ ближе къ морю, Петеркинъ, какъ младшій—по срединѣ. Когда мы проходили черезъ лѣсъ, то всегда шли гуськомъ. Тогда Джекъ шелъ впереди, за нимъ слѣдовалъ Петеркинъ, а я въ арріергардѣ.

Мы шли быстрымъ шагомъ, не говоря ни слова, замѣчая все интересное въ лѣсахъ, на берегу и на морѣ. Перейдя черезъ кряжъ, который образовывалъ долину Крушенія, увидали другую маленькую долину, полную роскошной тропической растительности. Мы видѣли ее еще прежде съ вершины горы, но не думали, что она такъ привлекательна. Только что мы приготовились ее изслѣдовать, какъ Петеркинъ оставилъ насъ и обратилъ наше вниманіе на замѣчательное явленіе на берегу.

— Что это такое? спросилъ онъ, указывая копьемъ на довольно отдаленный предметъ.

Мы увидали надъ скалами бѣлый столбъ какъ бы изъ пара или пѣны. Онъ возвысился на нѣсколько аршинъ и исчезъ. Если бы это было близъ моря, мы не удивились бы и приняли бы за пѣну, отъ прибоя. Но этотъ бѣлый столбъ

явился довольно далеко отъ моря. Въ томъ мѣстѣ скалы тянулись по песчаной отмели вплоть до моря. Едва мы успѣли выразить наше удивленіе, какъ второй столбъ взвился вверхъ недалеко отъ перваго и исчезъ. Эти странныя явленія повторялись черезъ неправильные промежутки. Мы убѣдились, что это водяные столбы, но не могли понять причины ихъ явленія, рѣшились посмотрѣть ихъ поближе, и черезъ нѣсколько минутъ дошли до мѣстности неровной и крутой, на которой тамъ и сямъ виднѣлись трещины. Мы остановились и тревожно ждали вторичнаго появленія этихъ тифоновъ. Неподалеку отъ насъ послышалось тихое журчанье, оно быстро превратилось въ кипящій и шипящій шумъ и минутой спустя водяной столбъ взвился вверхъ изъ отверстія въ скалѣ, взлетѣлъ на воздухъ неподалеку и чуть не окатилъ насъ съ головы до ногъ. Мы отскочили, но облако брызговъ осыпало насъ и промочило до костей.

Петеркинъ, стоявшій подальше, отдѣлался нѣсколькими каплями и разразился неудержимымъ хохотомъ при видѣ нашего плачевнаго положенія.

— Берегитесь! крикнулъ онъ, — водяной столбъ! Только что эти слова вырвались у него, какъ изъ другаго отверстія взвился громадный столбъ и угостилъ насъ какъ и прежній.

Петеркинъ заливался хохотомъ, но его веселье было быстро прервано раздавшимся около него журчаньемъ.

— Гдѣ-то онъ разсыплется? сказалъ Петеркинъ, оглядываясь тревожно и приготовляясь бѣжать. Вдругъ раздалось шипѣнье и столбъ пѣны и воды взвился у самыхъ ногъ Петеркина, окатилъ его и повалилъ на землю съ такой силой, что мы опасались не повредилъ ли онъ ему и бросились на помощь, но къ счастью онъ свалился на мягкую, густую травку, гдѣ и лежалъ перепуганный.

Теперь была наша очередь смѣяться, но такъ какъ мы еще были не увѣрены цѣлъ ли онъ и невредимъ и не знали гдѣ разразится слѣдующій водяной столбъ, то быстро помогли ему встать и уйти.

— Что дѣлать теперь? спросилъ Петеркинъ печально.

— Развести огонь и осушиться, отвѣтилъ Джекъ.

— А вотъ и топливо, сказалъ я, поднимая сухую вѣтку, когда мы вошли въ лѣсъ.

Пока наши платья сохли передъ огнемъ, мы спустились къ берегу и вскорѣ замѣтили, что эти интересные тифоны являлись тотчасъ послѣ паденія большой волны, и только тогда, когда волна была необычайно велика. Мы заключили; что въ скалѣ долженъ существовать подземный каналъ, въ который вода вливается большими волнами и не находя другаго исхода кромѣ разщелинъ, извергается изъ нихъ въ видѣ водяныхъ столбовъ. Другой причины не находили и такъ какъ она казалась правдоподобной, то на ней и остановились.

— Взгляни-ка, Ральфъ, что это такое въ водѣ? акула что ли? сказалъ Джекъ, когда мы готовились уйти.

Я подбѣжалъ къ скалѣ, съ которой онъ смотрѣлъ въ море, наклонился и увидѣлъ блѣдно-зеленоватый предметъ, онъ слегка двигался, пока я глядѣлъ на него.

— Это что-то въ родѣ рыбы, сказалъ я.

— Петеркинъ! закричалъ Джекъ, тащи сюда копьё, нашлась работа. Мы прибѣжали и стали доставать копьёмъ указанный предметъ.

— Ну, вотъ тебѣ и разъ! сказалъ Петеркинъ, а вы твердили, что оно слишкомъ длинно.

Джекъ прицѣлился копьёмъ, пустилъ его въ шевелившійся предметъ и не попалъ, блѣдно-зеленый предметъ оставался все на томъ же мѣстѣ, медленно шевеля хвостомъ.

— Странно, сказалъ Джекъ.

Всѣ мы нѣсколько разъ бросали въ него копьё, не могли ни попасть въ него, ни прогнать, и рѣшили продолжать наше путешествіе, не узнавъ, что это за странное явленіе въ водѣ. Я долго не могъ забыть его, но успокоился, порѣшивъ, что приду посмотреть на него въ болѣе удобное время.

X.

Мы открываемъ много превосходныхъ кореньевъ и плодовъ.—Открытіе источниковъ.—Индійская смоковница.—Дерево съ естественными подпорами.—Водяная дичь.—Замѣчательное открытіе, своеобразная охота.—Мы наслаждаемся изобиліемъ страны.

Маленькая долина оказалась болѣе нежели удовлетворительной. Мы нашли въ ней не только деревья, подобныя тѣмъ, которыя видѣли въ нашей долинѣ, но одно или два дерева другихъ видовъ. Намъ удалось также открыть особенныя овощи и Джекъ порѣшилъ что это именно тѣ овощи, которыя часто встрѣчаются на южныхъ островахъ и называются таро. Мы нашли также большой запасъ ямса и корень похожій на картофель. Всѣ эти виды кореньевъ были новы для насъ и считали себя счастливыми что выброшены на островъ изобильный всѣмъ необходимымъ для жизни. Впослѣдствіи мы убѣдились, что нашъ островъ ничуть не лучше тысячи другихъ острововъ, и что многіе изъ нихъ были даже роскошнѣе, тѣмъ не менѣе благодарили Бога за свою участь. Набравши въ карманы кореньевъ, мы, намѣреваясь употребить ихъ на ужинъ, и отправились дальше, по пути намъ встрѣчалось много прекрасныхъ птицъ и попали на слѣды какого-то четвероногого животного. Между тѣмъ солнце стало клониться къ закату, мы приблизились къ берегу и вступили въ небольшую долину, пересекающую весь островъ. Это была самая красивая долина, какую только приходилось намъ видѣть. Тутъ находились деревья всякой формы, величины и оттѣнка, многія изъ нихъ были намъ неизвѣстны, и не встрѣчались въ другихъ долинахъ, вѣроятно потому, что рѣка, протекающая по этой долинѣ, дѣлала ея почву плодороднѣе. Нѣкоторыя деревья были темно-зеленаго блестящаго цвѣта, другія роскошнаго, темнаго оттѣнка, красиво отдѣлялись отъ множества свѣтло-зеленыхъ деревьевъ. Среди нихъ мы узнали широкія, темныя вершины хлѣбнаго дерева съ золотистыми плодами, чистые серебристые листья свѣчнаго орѣха и различныя деревья, походившія на ель,

между тѣмъ тамъ и сямъ, то группами, то отдѣльно высились кокосовыя пальмы, съ своими граціозными перистыми листьями надъ другими, подобно имъ величественными деревьями.

Пока мы оглядывали все съ безмолвнымъ удивленіемъ, Джекъ указалъ на одно дерево, виднѣвшееся въ сторонѣ, и сказалъ:—Это индійская смоковница.—Что это за индійская смоковница? спросилъ Петеркинъ, когда мы направлялись къ ней.

— Очень интересное дерево, какъ ты тотчасъ увидишь, отвѣтилъ Джекъ.—Его здѣсь называютъ аоа, если не ошибаюсь, и оно имѣетъ удивительное свойство; да какое-же громадное!

— Ты говоришь дерево, повторилъ Петеркинъ, вѣдь тутъ дюжины смоковницъ!

— Тутъ только одна смоковница, возразилъ Джекъ, всмотрись. И въ самомъ дѣлѣ мы увидали, что то, что мы считали лѣсомъ, было въ сущности одно и тоже дерево. Кора его была, свѣтлая, листья блестящіе, формы маленькаго копыя прелестнаго гороховаго цвѣта. Но удивительнымъ свойствомъ его было то, что вѣтви, которыя выросли изъ ствола горизонтально, пускали длинные отпрыски или волокна къ землѣ, волокна эти пускали корни въ землю, сами становились деревьями и покрывались корой, подобно самому дереву. Многія изъ этихъ волоконъ спускались съ вѣтвей въ различныхъ разстояніяхъ и поддерживали деревья естественными колоннами, изъ которыхъ инныя были такъ велики и крѣпки, что не вдругъ можно было отличить отпрыскъ отъ родоначальнаго ствола. Волокна были всѣхъ размѣровъ и во всѣхъ степеняхъ развитія, начиная съ упомянутыхъ колоннъ до маленькихъ веревочекъ, висящихъ внизъ, готовящихся пустить корни, и до тоненькихъ коричневыхъ нитей еще далеко недостающихъ земли и качавшихся при каждомъ дуновеніи вѣтра. Словомъ, намъ казалось, что если бы этому дереву былъ просторъ и воля, то оно покрыло бы весь островъ.

Вскорѣ послѣ этого мы натолкнулись на другое замѣчательное дерево, оно заслуживаетъ описанія, свойство его оказалось чрезвычайно полезнымъ. Это былъ превосходный каштанъ, но настоящаго названія его Джекъ не зналъ. На этомъ каштанѣ было множество прекрасныхъ орѣховъ, которыми мы и наполнили себѣ карманы. Всего удивительнее въ немъ былъ его стволъ. Онъ возвышался аршинъ на шесть безъ вѣтвей и былъ замѣчательно тонокъ, но какъ бы въ вознагражденіе въ этомъ стволѣ находилось четыре или пять выступовъ, которые можно сравнить только съ пятью досками въ два вершка толщины и около полутора аршинъ ширины, поставленныхъ около древеснаго ствола, края которыхъ были крѣпко прижаты къ нему, начиная отъ земли вплоть до вѣтвей. Эти доски были покрыты корой дерева и неразрывно связаны съ нимъ. Словомъ, это были просто естественныя подпорки, безъ которыхъ стволъ не сдержалъ бы своей тяжелой тѣнистой верхушки. Вскорѣ мы увидѣли что эти каштаны встрѣчаются въ изобиліи. Они росли преимущественно по берегамъ рѣки и были различныхъ размѣровъ.

Пока мы разсматривали небольшое дерево такого рода, Джекъ отрубилъ кусокъ подпорки топоромъ и нашелъ что дерево прочно и легко рѣжется. Тогда онъ вонзилъ въ подпорку топоръ изо всей силы и скорѣ отдѣлилъ ее отъ дерева, прорѣзавъ его вдоль и поперекъ. Такимъ образомъ мы убѣдились, что можемъ имѣть коротенькія распиленные доски какой угодно толщины и размѣра, а это было для насъ однимъ изъ важнѣйшихъ открытій. Къ вечеру—москиты въ лѣсу ужасно мучили и мы направились къ берегу, чтобы тамъ устроить стоянку. По дорогѣ любовались, летавшими и чирикавшими вокругъ насъ птицами. Среди нихъ мы замѣтили хорошенькаго зеленого попугая съ голубой головой и красной грудкой, также нѣсколько прекрасныхъ горлицъ и стаи дикихъ голубей. Всѣ эти птицы были необыкновенно яркихъ цвѣ-

товъ, цвѣта—зеленый, голубой и пурпуровый преобладали. Мы нѣсколько разъ пробовали убить которуюнибудь изъ нихъ стрѣлою и пращей — не изъ забавы, а чтобы удостовѣриться пригодны ли онѣ для пищи; но ни разу не попали, хотя цѣлились хорошо. Съ наступленіемъ вечера пролетѣла стая голубей. Я швырнулъ въ нихъ камень и убилъ одного. Вскорѣ мы были испуганы громкимъ свистомъ надъ нашими головами и, взглянувъ вверхъ, увидѣли стаю дикихъ утокъ, направлявшихся къ берегу. Наблюдая, мы замѣтили куда онѣ летѣли, пошли за ними и пришли къ прелестному голубому озеру, опоясанному зелеными деревьями. Спокойная поверхность этого прелестнаго озера отражала какъ въ зеркалѣ каждый листъ и стебель и была покрыта различными видами дикихъ утокъ, сидящими на водѣ, между осокою и широколиственными водяными растеніями и плавающими на озерѣ, а по берегу озера, близко къ водѣ, быстро бѣгали многочисленныя птицы, похожія на степныхъ куликовъ. Всѣ эти птицы единодушно взлетѣли вверхъ и исчезли при нашемъ появленіи. Расхаживая по краямъ озера, мы замѣтили въ водѣ рыбу; но не могли опредѣлить какого рода была эта рыба; порѣшили немного свернуть съ дороги, чтобы поймать утокъ и хотя одну добыть себѣ на ужинъ, а Петеркина послали прямо на берегъ развести огонь, обѣщая быстро присоединиться къ нему. Не встрѣтивши ни одной утки, мы уже возвращались на избранное мѣсто, какъ одно своеобразное зрѣлище остановило насъ.

Прямо передъ собой мы увидали высокое, превосходное дерево, выше всѣхъ встрѣчаемыхъ нами на островѣ. Его стволъ, аршинъ двухъ съ половиною въ поперечникъ, былъ покрытъ гладкой, сѣрой корой, на развѣсистыхъ вѣтвяхъ его росли свѣтло-зеленые листья, среди которыхъ желтѣли грозды ярко желтыхъ плодовъ, такіе многочисленные, что отягощали собою вѣтви. Этотъ плодъ казалось принадлежалъ къ породѣ сливъ продолговатой формы. Земля у подножья

дерева была устлана упавшими плодами, среди которых лежало во всевозможныхъ позахъ по крайней мѣрѣ двадцать свиней всѣхъ возрастовъ и размѣровъ, повидимому наѣвшихъ до сыта этихъ плодовъ.

Мы съ Джекомъ едва могли удержаться отъ смѣха при взглядѣ на жирныхъ, безобразныхъ животныхъ, лежавшихъ среди остатковъ своего ужина.

— Ну, Ральфъ, прошепталъ Джекъ, положи камень въ твою пращу—хорошій, здоровый камень и пусти его въ ту жирную свинью, которая обернулась къ тебѣ спиною. Я постараюсь вонзить стрѣлу въ поросенка.

— Не лучше ли намъ разбудить ихъ сначала? прошепталъ я; не жестоко ли ихъ убивать во время сна.

— Если бы я хотѣлъ охотиться, Ральфъ, то конечно разбудилъ бы ихъ сперва, но такъ какъ намъ надобна только свинина, то пусть ихъ лежатъ. Да къ тому-же я не увѣренъ и въ успѣхѣ,—стрѣляй.

При такомъ увѣщаніи я такъ хорошо прицѣлился, что мой камень ударился о бокъ свиньи какъ о барабанью шкуру; свинья вскочила на ноги съ крикомъ испуга и удрала. Въ ту же минуту свиснулъ лукъ Джека и стрѣла пригвоздила за ухо поросенка къ землѣ.

— Не попалъ! закричалъ Джекъ, бросаясь впередъ съ поднятымъ топоромъ въ то время какъ поросенокъ, испустивши громкій крикъ, вырвалъ стрѣлу изъ земли и со стрѣлою убѣжалъ за стадомъ въ кусты и всѣ исчезли, но мы еще долго слышали издали ихъ хрюканье.

— Досадно! сказалъ Джекъ.

— Очень, отвѣтилъ я.

— Ну теперь отправимтесь къ Петеркину, сказалъ Джекъ. Становится поздно. И безъ дальнѣйшихъ замѣчаній положили себѣ путь черезъ лѣсъ къ берегу.

Достигнувъ берега, мы увидѣли что дрова разложены, огонь зажженъ и всѣ приготовленія къ стоянкѣ сдѣланы, но Петеркина не было и слѣда. Мы удивились. Джекъ пред-

положилъ, что онъ отправился за водою. Крикнувъ чтобы дать ему знать о нашемъ приходѣ, самъ уѣлся на скалу, я же, сбросивъ свою курточку взялся за топоръ, чтобы нарубить дровъ, но не успѣлъ отойти, какъ мы услышали вдали ужасающій визгъ, потомъ хоровое хрюканье и громкое ура!

— Мнѣ кажется, сказалъ я, Петеркинъ столкнулся съ свиньями.

— Ура! кричалъ издали Петеркинъ.

Мы быстро повернули по направленію къ крику и вскорѣ замѣтили Петеркина, онъ шелъ къ намъ на встрѣчу по берегу съ поросенкомъ вздѣтымъ на концѣ длиннаго копья.

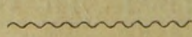
— Прекрасно! сказалъ Джекъ, хлопая его по плечу, когда онъ подходилъ, ты самый лучшій охотникъ изъ насъ.

Мы принялись готовить ужинъ, вышелъ ужинъ прекрасный. Впервыхъ, у насъ былъ поросенокъ, вовторыхъ голубь, наконецъ корень таро, картофель, шесть сливъ и немного сахарнаго тростника, который Петеркинъ открылъ на небольшомъ квадратномъ кусочкѣ земли, гдѣ этотъ тростникъ росъ и заявилъ, что квадратная форма этого клочка заставляетъ его предполагать, что тростникъ былъ посаженъ человекомъ.

— Можетъ какіе нибудь дикари жили здѣсь когда-то давно — замѣтилъ Джекъ.

Зажарили ногу поросенка и голубя, картофель испекли — онъ походилъ на ирландскій картофель и былъ очень вкусенъ. Вообще ужинъ былъ роскошный; отужинавши, мы улеглись удобно и спокойно на ложѣ изъ листьевъ подъ выступомъ коралловой скалы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛЕНЬКІЙ РУДОКОПЪ.

(ОКОНЧАНИЕ).

XIV.

Что посѣешь, то и пожнешь.

РЕДСКАЗАНИЕ Клам-
рода сбылось. Веренд-
тель самъ попалъ въ яму,
которую рылъ другимъ. Готлибъ
чистосердечно оплакивалъ горь-
кую участь своего дяди. Какая
разница была между дядей и его

матерью! Его не похоронили даже на общемъ кладбищѣ,
гдѣ покоится столько честныхъ рудокоповъ подъ тѣнью ивъ
и бузины. Его тѣло было опущено въ яму преступниковъ.

Все, что принадлежало Верендтелю: деньги, вещи все — было конфисковано въ пользу государства какъ пополненіе за утраты причиненныя кражей и поврежденіемъ машинъ. Домъ остался Готлибу въ наслѣдство какъ ближайшему родственнику. Онъ и Кламродъ были признаны невинными, получили награду за ихъ предварительное заключеніе. А Готлибу выдали 500 франковъ, благодаря ходатайству инспектора. Кламродъ и Готлибъ по окончаніи дѣла отправились въ Фрейбергъ поблагодарить его. Инспекторъ принялъ ихъ благосклонно, оставилъ обѣдать и угостилъ отличнымъ виномъ.

— Что же ты будешь теперь дѣлать, Готлибъ? спросилъ инспекторъ Готлиба, не думаешь ли возвратиться въ Фрейбергъ, и опять торговать?

— Конечно, отвѣчалъ юноша, мы заготовили много игрушекъ.

— А знаешь ли почему ты сбылъ у насъ такъ много своего товара? оттого что былъ одѣтъ рудокопомъ. Народъ знаетъ какъ это дѣло трудно, мало приносить и опасно, поэтому смотрятъ съ состраданіемъ на людей занимающихся этимъ ремесломъ на большихъ и на малыхъ. Твоя голова едва виднѣлась изъ-подъ огромной шапки, руки путались въ длинныхъ рукавахъ, но все таки ты былъ рудокопъ. Слушай, я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе. У меня есть полный нарядъ рудокопа, онъ будетъ тебѣ въ пору. У тебя есть деньги, я продамъ тебѣ его дешево. Вотъ онъ, примѣръ; я уйду на 10 минутъ, а ты одѣнься. Готлибъ улыбнулся, не зная принять ли ему или отказаться отъ предложенія.

— Если ты хочешь быть настоящимъ рудокопомъ, то долженъ пріучаться слушаться начальство.

Сказавши это, онъ вышелъ изъ комнаты и Готлибъ съ помощію Кламрода одѣлся.

Платье было какъ разъ по немъ и хорошо сшито. Остроконечная пуховая шляпа съ перомъ и украшеніями шла къ нему какъ нельзя лучше, широкая блуза съ позолоченными

пуговицами, черные панталоны, ботинки—все казалось для него нарочно было сдѣлано. Тутъ-же была палка и заступъ, инспекторъ, возвратясь, восхитился своимъ любимцемъ и представилъ его женѣ и дѣтямъ.

— Ну, что-же, Готлибъ! сказалъ онъ ему, открывай кошелекъ, плати.

— У меня нѣтъ денегъ, отвѣчалъ мальчикъ жалобнымъ голосомъ и со вздохомъ посмотрѣлъ на блестящія, красивыя пуговицы.

— Какъ! развѣ ты не получилъ нѣсколько дней тому назадъ много денегъ? Куда же они дѣлись?

— Отдалъ отцу, отвѣчалъ Готлибъ въ полголоса.

Немного помолчавъ, инспекторъ сказалъ:

— Я и не подумалъ объ этомъ. Нечего дѣлать? Жаль что не можешь оставить этого наряда у себя. А вотъ что я придумалъ, ты мнѣ заплатишь работой, сдѣлай мнѣ въ маломъ видѣ модель колодца, въ которомъ мы едва не погибли. Ты представишь товарища Гиммера ударяющаго въ набатъ, остановленныя машины, трехъ несчастныхъ спасенныхъ, наконецъ все то, что ты самъ видѣлъ, согласенъ?

У Готлиба навернулись слезы и онъ горячо поблагодарилъ инспектора.

— Что касается тебя, другъ Кламродъ, сказалъ инспекторъ, тебѣ трудно будетъ продолжать свою работу. Товарищъ твой Гиммеръ имѣетъ право на это мѣсто. Ты уже старъ и слишкомъ утомляешься отъ бессонныхъ ночей. Хорошо бы тебѣ подать въ отставку, поселиться въ домѣ Готлиба съ дѣтьми и присматривать за работой молодыхъ игрушечныхъ мастеровъ.

Кламродъ испуганно посмотрѣлъ на инспектора, но тотъ успокоилъ его говоря:—Государь за твою долгую и вѣрную службу и за зло, причиненное тебѣ, повелѣлъ обратить въ пенсію теперешнее жалованье.

Пришла очередь Кламрода изъяснять свою благодарность.

— Еще одно слово, прибавилъ инспекторъ, внизу стоитъ возъ съ деревомъ, ѣдущій въ Франкенталь, я приказалъ возничему отвести васъ, чтобы вамъ не идти пѣшкомъ.

Оба они простились съ хозяиномъ, повторивъ увѣренія ихъ признательности, и вечеромъ прибыли въ домъ Готлиба. Когда дѣти услышали подъѣхавшую телѣгу, побѣжали на встрѣчу счастливымъ путешественникамъ. Когда они встали съ тѣлеги, извозчикъ сказалъ:—помогите сложить лѣсъ. Начальникъ приказалъ оставить его въ домѣ маленькаго рудокопа. Это подарокъ для заказанной работы.

Всѣ призывали благословеніе на благодѣтеля.

Дерево не замедлило обратиться въ игрушки въ рукахъ дѣятельныхъ работниковъ, продавъ свой товаръ, они выручили 200 франковъ. Готлибъ прилежно принялся за модель колодца, заказанную ему. Когда работа была окончена, ее отнесли къ инспектору, который сохранилъ ее въ память опасности претерпѣнной имъ. Инспекторъ сталъ часто посѣщать счастливаго, отдыхающаго среди своихъ дѣтей Кламрода. Торговля ихъ такъ процвѣтала, что Готлибъ принужденъ былъ умножить число работниковъ. Скоро онъ будетъ ѣздить по ярмаркамъ продавать свой товаръ. Заказовъ столько, что едва успѣваютъ исполнять. Готлибъ славился своей честностью, никогда не измѣнялъ данному слову, не обманывалъ въ качествѣ товара и до того былъ добръ и сострадателенъ къ бѣднымъ, что хотѣлъ дать работу даже Катеринѣ и ея сообщникамъ, когда ихъ выпустятъ изъ тюрьмы, если они будутъ хорошо вести себя.

Доротей счастливо вышла замужъ. Она, мужъ ея и трое дѣтей работаютъ въ мастерской Готлиба. Софья смотритъ за хозяйствомъ съ помощью маленькой Шарлотты, которая вѣроятно будетъ женой Готлиба.

Лѣтомъ, по окончаніи дневной работы, всѣ собираются вокругъ Кламрода, который жилъ уже не безъ обязательной работы. Часто Готлибъ, гуляя въ саду, смотритъ на гору, находящуюся въ концѣ сада, и вспоминаетъ какъ онъ

съ нее скатился кубаремъ и такимъ страннымъ образомъ попалъ въ домъ принадлежавшій теперь ему.

Въ память своего дѣтства и въ примѣръ своимъ молодымъ ученикамъ, Готлибъ Фрей велѣлъ сдѣлать надпись надъ дверью своего кабинета золотыми буквами: „Что по-сѣешь, то и пожнешь“.

†Нирицъ.
Съ вѣмецкаго.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ 1-го іюня по 1-е сентября, редакція покорнѣйше проситъ вновь поступающихъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращаться съ своими требованіями исключительно въ Петербургъ, въ книжный магазинъ А. И. Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер., а также всѣ требованія и справки, касающіяся полученія журнала, адресовать на вышесказанный магазинъ.

Контора редакціи, какъ для личныхъ объясненій, такъ и по всѣмъ прочимъ дѣламъ редакціи, помѣщается въ Малой Подъяческой, домъ № 4, кварт. № 16.

Въ виду многочисленныхъ жалобъ гг. подписчиковъ на неисправную доставку журнала „ИГРУШЕЧКА“, происшедшую, какъ въ томъ убѣдилась редакція, отъ неудовлетворительности прежняго порядка разсылки журнала, въ настоящее время измѣненнаго, редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ гг. подписчиковъ, не получающихъ своевременно №№ журнала, не отказать вновь сообщить свои адреса, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой конторы, для общей проверки адресовъ, во избѣжаніе возможности дальнѣйшей неисправности въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издательница Т. П. Пассекъ.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 мая 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.